

Елена СОЗЫКИНА

Тишиною сомкнуты ресницы.
Ярко пламя тысячи огней.
Никогда так сладостно
не спится
Ни твоей душе, и не моей!

И в тиши, чуть тронутый
молитвой,
Ты молчишь, но лучше
отзовись.
В поединке, как в неравной
битве,
Наши жизни вновь пресеклись!

Но за что мне ветер душу
треплет.
Я тебя не мучу, не кляню.
Свел Господь по линиям на небе
Воедино две судьбы в одну!

ОСЕНЬ

Осень. Сказка золотая!
Колдовское волшебство!
Ты - царевна молодая!
Ты не тайна - Божество!

Что ни взгляд -
пьянящий, манящий.
Что ни слово - поцелуй.
Ты - художник, кистью
правляющий.
Отведу глаза! Рисуи!

Осень! Грустная красавица!
Горько плачешь день и ночь,
Листопадом позабавишься,
А потом опять невмочь.

Золотые шьет заплатки
Хвоя в сетчатом пальто.
Поменяешь ты перчатки
На пуховое манто.

Ивы зеленью разбавили
Золотую стель берез.
Ветки хрупкие расправили.
Лепестки. Не слышно слез!

Я взгляну, дивясь восторгу,
Золотому колдовству!
Как мне нравится подолгу
Собирать твою листву!

И душе моей так лихо,
И шуршит листва осенняя!
Это в осень, тихо-тихо
Ухожу бесследно я!

Неизменно жалует горесть.
Все испытано как в аду.
Я свою небывалую совесть
На повешение введу.

Для меня ты - петля позора,
Для надменных царик - статья.
От тебя ли, от белого вора,
В подоле пеленаю дитя?

Нет на виселице зазубрин.
Ветер шею окольцевал.
Точно помню одно: не в губы -
В лоб холодный меня целовал.

г. Черняховску

Родилась я напевом далек,
Звонкой песней предвестников
лета.
Моя родина - мой городок
На краю невзошедшего света!

Там родные глаза журавлей
Слезы льют в голубые озера.
И цветы васильковых полей
Заплетаются в косы узором.

В тишине слышен моря прибой,
Виден взгляд улетающей птицы.
Перед смертью успеть бы
домой!

Но боюсь, не смогу возвратиться!

И в янтарных глубинах земли
Мне одной не отыщется храма!
Унесут меня в рай журавли,
На рассвете расплачется мама!

Но тепло ее доброго сердца
Не растопит холодный гранит.
Никуда от стихов мне не деться.
Их звучание память хранит.

И отыщется маленький храм
И, быть может, мне места в нем
хватит.
Приголубит московский курган!
По головшке ветер погладит!

И прорвется к вам песня далек
Человеческим голосом мая
Потому, что есть мой городок,
Где я вечно живая...

Ты тлен, и я не вечна.
Мы встретимся вдали,
В пути на небе вечном,
Где плачут журавли!

Не станем ждать заката
И вновь рассвет будить!
Мы встретимся когда-то,
Когда не будем жить!

Земная жизнь не вечна!
Так прах ей и покой!
В пути на небе вечном
Мы встретимся с тобой!

Разлюбила и жалеть не стану.
Просто я доверилась словам!
Я тебя любимым называла.
Оказалось - верила мечтам!

Птица Счастья к нам не постучится!
Лишь в окошке радуется восход.
Синих глаз уставшие ресницы
Пусть другая ночью стережет!

ЛИТАВР

ЛИТЕРАТУРНАЯ АВТОРСКАЯ РУБРИКА

Если один из авторов нынешней литературной страницы - Александр Гахов - довольно известен в литературных кругах города и его работы неоднократно помещались в местной периодической печати, то имя молодой поэтессы Елены Созыкиной знакомо немногим читателям, несмотря на то что в ее творческом активе уже два выпущенных поэтических сборника. Елена - наша землячка. Около восьми лет жила и училась в Польше. В 1993 г. переехала в Подмосковье, в Сергиев Посад. Первый сборник ее стихов «Струны сердца» вышел в 1999 году. Второй - «Камнепад над стеклом» - в 2004 году. В него вошли семь циклов стихотворений. Не за горами выпуск третьей книги стихов. Надеюсь, читатель оценит искренность и красоту поэзии Е. Созыкиной.

Ведущий рубрики Игорь ЕРОФЕЕВ

Памяти К.П. Артамонова,
первого председателя
Черняховской МО ВОС

Александр ГАХОВ

И вся жизнь...

Рассказ

После теплых проливных дождей, шумевших над городком, всё вокруг зазеленело. Легкий ветерок нес благоухающие запахи цветущих садов.

Ранним утром, в час, когда на траве ещё лежала роса, юркая, по-стариковски сутулившаяся фигурка Кирилла Петровича уже мелькала в саду, где он подкашивал скотине траву. «Дотяну до осени, - сноровисто-махая косой, думал он, - а там - как Бог даст».

В этот год на пастбище корову выгонять не решался: не доверял пастуху Семёну - выпивохе и пройде. Подозревал, что не обошлось без него, когда в прошлом году лихие люди свели у него и зарезали годовалую телку. Вечером, когда та не пришла домой, пошёл искать. За пастбищем в кустах нашёл трещину да копыта. Вызвал милицию - так та до сих пор воров ищет. А чего их искать? С чего бы это у Семёна после этого полмесяца нос в табаке был и спина в глине. Да и сейчас он от него глаза прячет.

Выкосив приглянувшийся участок и отложив косу в сторону, Кирилл Петрович взялся за грабли. Кошенины получились на небольшой стожок, который в два захода перенёс в хлев. Почистив загоны, задал скотине корм. Неторопливо подоил Пеструшку. Отодвинув ведра с молоком в сторону, хотел было подняться со стульчика, но корова, словно в знак благодарности, повернувшись, лизнула влажной наждачкой языка лысину.

- Некогда мне сегодня, Пеструшка, с тобой целоваться, - незло отмахнувшись, пошевелил он корову, доставая из кармана мятый платок, - ты хотя б не слюнявила, что ли, и так весь тобой пропах.

Позавтракав, Кирилл Петрович вышел из дома.

Легкая приятная вялость, охватившая его, потянула к лавочке под большой старой березой, где он проводил короткие часы стариковского досуга. Присев на скамью, устало уронил руки и по-птичь, словно к чему-то прислушиваясь, наклонил голову и прикрыв глаза, казалось, задремал. Тихо шептала берёза, шелестя молодой листвой. Ласкаясь, тёплый ветерок делал его мысли неторопливыми. Они наполнялись подробностями, пускали ростки. Заключенные в них события, звуки, краски сохранялись, как в памяти сохраняется весенний облик цветка. Он перебирал эти мысли. В их движении оживало то, что когда-то происходило во дворе. Сейчас память уносила Кирилла Петровича в далёкий весенний день, казавшийся теперь праздничным пасхальным яйцом. Из глубины сознания всплыло молодое лицо жены, её руки, державшие тоненькую берёзку. Как бы со стороны - рядом увидел молодого себя. Берёза была первым

деревом, которое они посадили вместе.

Подле нее, то распускающей зеленые клейкие листочки, то роняющей осенний золотой наряд, прошла вся его жизнь. Дерево словно олицетворяло доброго духа их семьи. Под ним он качал на руках своего первенца, грустил и радовался тем событиям, которые посылала судьба.

Жил Кирилл Петрович никому в рот не заглядывая и никому не завидуя. Принимать все на веру жизнь отучила. Повидал на своём веку красное знамя. Верил больше делу, чем слову. Зависть грехом считал: знал, до чего она человека довести может. И потому, что старался жить праведно, «добывая хлеб в поте лица своего», жил трудно.

Разменяв седьмой десяток и будучи инвалидом по зрению, держал хозяйство: коровку и боровка. Дело было нелёгким. Не зря гласит народная мудрость: скотину держать - поздно ложиться, рано вставать. Жена, по его словам, «севшая на ноги», в ведении хозяйства подспорьем была слабым. «Куда ей за скотиной на костылях, - порой сетовал он, - хорошо, что хоть обед сготовить может». Вот и привык со скотиной управляться сам. Когда совсем допекало, порывался хозяйство бросить, но, остыв, думал, что ещё потянет - покида сил хватит. Ведь держал скотину не только из-за того, что любил парное молоко и свою свининку, а еще для того, чтобы более-менее концы с концами свести. Да и внуки приезжали - их угостить хотелось.

Жизнь стала трудной - копеечка тяжёлой, а на их со старухой пенсии здорово не разгуляешься. И хотя, сколько себя помнил, всегда работал, пенсия была небольшой. В его стаже где-то потеряли несколько лет, проработанных им во время войны в колхозе. В своё время он обратился туда за подтверждением, но ему ответили, что архив сгорел. Года два назад, вняв чьему-то совету, обратился в Центральный архив. Но, то ли письмо затерялось, то ли посчитали его просьбу несущественной, ответа не дали. Успокоившись, уже ничего не ждал. Теперь вспоминать смешно, думалось: «На пенсию выйду - отдохну». Не задалось.

За год до этого, Кирилла Петровича избрали председателем районной первички. Работа была несложной, но ввиду его неспокойного характера отбирала много времени. Здесь он был на своем месте. Пусть не все получалось, но стремление помочь людям всегда жило в нем. Его редко можно было застать в кабинете: он был то в мэрии, то на каком-нибудь предприятии, где пытался

решить возникшие проблемы.

Вот и сегодня день, начавшийся обычно, обещал быть насыщенным и плодотворным. К десяти часам он был уже в мэрии, в кабинете социальных работников, где, по его словам - боролись с бедностью, выделяя небольшие суммы малоимущим. Все сложилось как нельзя лучше: на заседании комиссия решила выделить необходимые суммы для нескольких членов его общества.

Домой Кирилл Петрович возвращался в приподнятом настроении.

Двор, когда он в него зашел, показался ему необычно свободным и светлым.

Эта неестественность заставила его настроиться и замереть. Через мгновение он понял, что случилось - во дворе не было березы!

Обведя взглядом двор, он увидел соседа, который не спеша закатывал под навес свежераспиленные березовые чурбаки. Не раз между ним и соседом заходил разговор о старой березе, тень которой падала на участок с соседской клубничкой, разводимой для продажи.

Тот всё грозился спилить старое дерево. Негодование переполнило Кирилла Петровича, но слов не было. В одно мгновение вся жизнь, представшая перед его глазами, словно пресеклась. Ноги сделались ватными, сердце, казалось, оборвалось, и он медленно побрел домой.

Молодой врач приехавшей «скорой помощи», осмотрев его, сделал укол, выписал рецепты и, узнав, что Кирилл Петрович еще работает и держит хозяйство, сказал, что в его годы пора бы подумать и о покое.

Дня три он пролежал в постели. «Не вовремя я слег», - думал Кирилл Петрович. Мысли постоянно возвращали его к работе, незавершенным делам и нерешенным проблемам.

Окна его комнаты выходили во двор, и он по привычке искал взглядом березу. Ему не хватало прошлого. Но там, где прежде находилась крона дерева, виднелся лишь голубой квадрат пустого неба. «Вот и вся жизнь», - глядя в эту пустоту, с грустью думал он.

В конце месяца к ним со старухой заглянула почтальонша, носившая пенсию.

- Вам пенсию пересчитали, Кирилл Петрович! - улыбаясь, сообщила она.

Не задев душевных струн, слова женщины эхом отозвались в нем и погасли.

Ибо это для него казалось уже не столь важным.

В нашем городе праздник для лириков: необыкновенно светлая, тёплая осень и... выход в свет книги нашего земляка Александра Гахова под названием «Пока надежды теплится свеча». Я давно слежу за его творчеством по страницам газет и, насколько знаю, это его первая изданная книга, причём книга стихов. Именно в стихах он умеет раскрыть душу, в них вся его жизнь: с печалью, ожиданием, надеждой и любовью. В них поиск веры, добра, любви - вечных земных ценностей.

Надеждой полнится душа, когда вчитываешься и вдумываешься в каждую написанную

И пусть надеется душа...

поэтом строку. Надеждой в искренность чувств, в доброту людей, окружающих Александра Константиновича, в нерастратченную способность земляков сопереживать, замечать, видеть красоту окружающего нас мира.

Я бесконечно люблю творчество этого сильного, талантливого человека и восхищаюсь его видением мира в крошечной тьме, которая окружает его уже более 10 лет. Закройте глаза на полчаса в ясный полдень или в

вечерний час заката и попробуйте увидеть, как «растворилось золотое в сером», «янтартный свет её души», «маховые лепестки зирени», «горчичник жёлтого листа», и поймёте, насколько сложно описать то, чего не видишь. Это дар Господа за терпение и доброту к людям - не иначе.

Книга замечательная: тёплая, добрая, искренняя и мудрая. В её художественном оформлении отражены скромность и вкус ре-

доктора. Тёмный тон обложки и черно-белая графика, исполненная Алиной Махровой, ненавязчиво подчёркивают, насколько ярко видит мир Александр Гахов. Огромное спасибо родным поэтам, чья помощь, в его положении, несомненно, огромна и неоценима.

...Пусть продолжает надеяться душа талантливого человека увидеть свет солнца, глаза любящей женщины, будущие свои книги и он сохранит сегодняшнее состояние души, где царит «великая радость от единомыслия и одиночества».

Полина ЕРЗИКОВА

